

ЧЕЛОВЕК ХРИСТОС ИИСУС

Брюс Уэр*

I. ВВЕДЕНИЕ

Отправной точкой рассуждений в данной статье служит следующий богословский вопрос: какие аспекты жизни, служения, миссии и труда Иисуса Христа могут быть верно объяснены и правильно поняты только в том случае, если их рассматривать через призму Его человечности? Иначе говоря, хотя Христос был (и остается) полностью Богом и полностью человеком, как лучше всего объяснять то, как Он прожил Свою жизнь и исполнил Свое призвание: считая, что Он прожил это как Бог, как человек или же как Богочеловек? Я утверждаю, что с точки зрения Библии и богословия самым полноценным ответом будет последний: как Богочеловек; но при этом следует подчеркнуть, что в повседневной жизни, служении и труде Христа в первую очередь проявлялась именно Его человеческая природа.

В евангельском богословии, как в популярном, так и в академическом, обыкновенно больше подчеркивают божественность Христа, но в Новом Завете, насколько я вижу, как раз наоборот, больше выделяется Его человеческая природа. Он пришел как второй Адам, семя Авраама, сын Давидов, и Он жил как один из нас. Снова повторюсь, Он полностью и безоговорочно был Богом, и некоторые из дел Христа, по моему мнению, являли эту божественность: к примеру, как Он прощал грехи (Марк. 2), как Христос преобразился (Матф. 19; Марк. 9; Лук. 9), как Он воскресил Лазаря из мертвых, заявив: «Я есмь воскресение и жизнь» (Иоан. 11), и, что наиболее важно, как действительно Его искупление, ведь Он мог уплатить бесконечную цену за наш грех только как Бог – эти и другие свидетельства являют нам истину, что Он жил среди нас, будучи в полной мере Богом.

И хотя Он в полной мере был Богом, и это крайне важно для верного понимания того, Кто Он, как Он жил и как совершил Свой искупительный труд, преобладающей реальностью Его повседневной жизни и основным средством для исполнения Его призвания была Его подлинная и полная человечность. Эту значимость человеческой природы Христа Павел выразил в своем утверждении: «Ибо един Бог, един и посредник между Богом и человеками, человек Христос Иисус» (1 Тим. 2:5).

В этом докладе я хочу подкрепить это заявление, рассмотрев два аспекта жизни и служения Христа¹. Хотя есть много других факторов, которые мы могли бы рассмотреть, эти два фактора имеют центральное значение для Его личности и миссии, и оба они, в конечном счете, становятся понятными, когда мы смотрим на их осуществление через призму, главным образом, человеческой природы Христа. Во-первых, мы рассмотрим значение того, что Иисус пришел как долгожданный помазанный Духом Мессия. Во-вторых, мы исследуем факт непогрешимости Иисуса и рассмотрим, какими средствами Он противостоял искушениям. Хотя в этих двух вопросах действительно проявляется божественность Христа, Его человеческая природа в них настолько важна, что мы не можем объяснить эти центральные и важнейшие особенности Его личности и дел в отрыве от полноты и целостности Его человеческой природы.

* Брюс Уэр, профессор христианского богословия в Южной баптистской богословской семинарии (2825 Lexington Road, Louisville, KY 40280), выступил с этим председательским докладом на 61-й ежегодной встрече Евангельского богословского общества (ETS) 19 ноября 2009 г. в Новом Орлеане (штат Луизиана). Публикация на английском языке: Bruce A. Ware, "The Man Christ Jesus," *JETS* 53/1 (March 2010) 5–18.

¹ Более подробное обсуждение этих и других факторов будет представлено в моей новой книге: Bruce A. Ware, *The Man Christ Jesus: Reflections on the Significance of the Humanity of Christ* (Wheaton: Crossway).

II. ИИСУС, ПОМАЗАННЫЙ ДУХОМ МЕССИЯ

Одно из самых ясных и сильных свидетельств того, что Иисус жил и исполнял Свою миссию в основном как человек, заключается в том, что Иисус пришел как помазанный Духом Мессия. То есть Дух наделял Иисуса силой, чтобы Он исполнил дело, которое Он пришел совершить. Как заявляет Джеральд Хоуторн в своем объемном труде «Присутствие и сила: Значение Святого Духа в жизни и служении Иисуса», присутствие и действие Святого Духа в жизни Иисуса – одно из наиболее значимых библейских свидетельств «подлинности Его человеческой природы». Согласно Хоуторну, «значение Духа в Его жизни сводилось именно к этому: Святой Дух был той божественной силой, посредством которой Иисус превозмогал Свои человеческие ограничения, преодолевал человеческую слабость и победил Свою человеческую смертность»².

Что ж, надо задать этот вопрос: зачем Иисусу был нужен Святой Дух? В конце концов, Он Сам в полной мере был Богом, и поскольку Он Бог, то Его, конечно, ничем нельзя дополнить, ведь как Бог Он уже бесконечно и вечно обладал всеми качествами или совершенствами, какие только бывают. Тем не менее, Святой Дух жил в Иисусе, и Свое служение Он исполнял в силе Духа. Поэтому мы спрашиваем: что мог привнести Святой Дух в божественность Христа? И ответ, который мы должны дать: ничего! Как у Бога у Него каждое качество бесконечно, так что Его ничем нельзя дополнить. И тогда мы спрашиваем: что мог привнести Святой Дух в человечность Христа? Ответ такой: все сверхъестественные силы и способности, которых не доставало Ему как человеку. Тогда тот факт, что Иисус пришел в силе Святого Духа, можно будет понять только если считать, что Он жил в основном как человек и поэтому полагался на Духа, дающего силу, благодать, знание, мудрость, водительство и способности, в которых Он нуждался миг за мигом и день за днем, чтобы исполнить миссию, с которой Отец послал Его.

Давайте рассмотрим всего несколько текстов, которые подтверждают и проясняют эту точку зрения на жизнь Иисуса:

Исаия 11:1–3: И произойдет отрасль от корня Иессеева, и ветвь произрастет от корня его; и почиет на нем Дух Господень, дух премудрости и разума, дух совета и крепости, дух ведения и благочестия; и страхом Господним исполнится...

Учение этого текста и выводы из него обширны. Задайте себе следующие вопросы: являл ли Иисус, общаясь с фарисеями или толпой, или самаритянкой, или Никодимом, или Петром, или первосвященником, являл ли Иисус необычайную мудрость и разум? Были ли Его наставления и суждения отмечены таким качеством, как рассудительность? Боялся ли Он Господа и потому от всего сердца был послушен Своему Отцу на каждом шагу Своего пути? Да, действительно, так и есть. Теперь спросите себя: как согласно тексту Исаии 11:2 нам следует объяснять эти особенности, характерные для всей Его жизни и служения? Ответ: Дух пребывал на Нем и даровал Ему мудрость, разум, ведение, рассудительность, силу и решимость бояться Бога, Своего Отца. Другими словами, эти качества не вытекали напрямую или главным образом из Его собственной божественной природы, хотя Он явно ей обладал! Но подобно тому, как «плод Духа» в Галатам 5:22–23 служит внешним проявлением того, что внутри верующего действует Дух, так и здесь эти качества отнесены к действию Духа и приписываются Духу, пребывавшему на Иисусе и наделявшему Его мудростью, разумом и твердым послушанием, которые Он проявлял.

Взгляните еще на один текст. Луки 2:40 и 52 говорят нам о детстве Иисуса: «Младенец же возрастал и укреплялся духом, исполняясь премудрости, и благодать Божия была на Нем. <...> Иисус же преуспевал в премудрости и возрасте и в любви у Бога и человеков». Испол-

² Gerald F. Hawthorne, *The Presence and the Power: the Significance of the Holy Spirit in the Life and Ministry of Jesus* (Dallas: Word, 1991) 35.

няться премудрости – разве Бог так делает? Очевидно, нет. Но это скорее сказано о возрастании мальчика Иисуса в человеческих качествах, когда Он рос: Он рос физически, и Он рос в мудрости и разумении, ведь «благодать Божия была на Нем», что, по-видимому, указывает на действие Святого Духа в Его жизни³.

Нужно сделать еще одно пояснение к этому тексту. Эти стихи, Луки 2:40 и 52, обрамляют собой богодухновенный рассказ об Иисусе, данный нам в Евангелиях, рассказ о том, как Иисус был в Иерусалиме в Храме, когда Его родители отправились в обратный путь в Назарет. Потом Мария и Иосиф вернулись и нашли, что Иисус неплохо справляется с учителями закона в Иерусалимском Храме. «Все слушавшие Его, – поясняет Лука, – дивились разуму и ответам Его» (Лук. 2:47). И вот, обычная евангельская интуиция объясняет это событие из детства Иисуса так: конечно, Иисус изумил этих учителей закона в Иерусалиме! В конце концов, Он же был Богом! И хотя Он действительно был Богом, этот ответ упускает те намеки, которые сам Лука дает в стихах, обрамляющих этот рассказ. Иисус изумил этих иудейских учителей не потому, что Он был Богом, хотя Он Им и был; но Он изумил их, потому что как человек, как 12-летний мальчик, Он посвятил Себя тому, чтобы хорошо овладеть законом Господа, и благодать Божья по действию Духа даровала Ему необычайную рассудительность, так что в возрасте всего 12 лет Он изумлял этих величайших учителей в Иерусалиме тем, какие Он задавал вопросы и какие давал ответы. Тогда Он поистине был образцом для 1-го псалма. Он любил закон Господа, и об этом законе Он размышлял день и ночь. И Он стал как дерево, посаженное при потоках вод, которое приносит плод свой во время свое, лист которого не вянет, и во всем, что Он ни делал, Он преуспел. Вот Иисус. Его познания в Писании, Его мудрость и разум не появились автоматически, а были плодом усердных трудов по действию Духа в Его жизни и Его собственного усердия в изучении Божьего Слова. Если кратко, Иисус возрастал в мудрости и понимании Писания день за днем, год за годом, возрастая до полноты взрослой жизни, потому что в Нем, как в человеке, действовал Дух, чтобы даровать Ему эти способности.

Было бы упущением не упомянуть здесь заявление Иисуса о Себе, которое Он сделал в начале Своего публичного служения. После искушения от дьявола, как рассказывает нам Лука, Иисус «возвратился... в силе Духа в Галилею» (Лук. 4:14), после чего в субботу Он вошел в синагогу в Назарете, в Своем родном городе. Лука пишет:

Ему подали книгу пророка Исаии; и Он, раскрыв книгу, нашел место, где было написано: «Дух Господень на Мне; ибо Он помазал Меня благовествовать нищим, и послал Меня исцелять сокрушенных сердцем, проповедывать пленным освобождение, слепым прозрение, отпустить измученных на свободу, проповедывать лето Господне благоприятное». И, закрыв книгу и отдав служителю, сел; и глаза всех в синагоге были устремлены на Него. И Он начал говорить им: «Ныне исполнилось писание сие, слышанное вами» (Лук. 4:17–21).

Тот факт, что здесь сказано, что Иисус, «раскрыв книгу, нашел место, где было написано», и дальше цитируется из 61 главы Исаии, показывает, что Иисус Сам выбрал этот текст! Подумайте об этом: Он мог бы вместо этого открыть 53 главу Исаии, но нет, Он открыл именно этот текст. Очевидно, что это отчасти указывает на значимость того, что Иисус – это помазанный Духом Мессия. Чтобы понять суть того, Кто Он такой, мы должны видеть, что Он пришел в силе Святого Духа.

Еще один важный текст – Матфея 12:28. Иисус изгнал беса из человека слепого и немого и исцелил его, но фарисеи заявили, что Он сделал это силой «веельзевула, князя бесовского» (Матф. 12:24). Иисус отвечает тремя жгучими обличениями, и последнее из них такое: «Если же Я Духом Божиим изгоняю бесов, то конечно достигло до вас Царствие Божие» (Матф. 12:28). Конечно, главное, на что указывает Иисус, заключается в том, что как Помазанный Духом, многократно предначертанный в ветхозаветных Писаниях, Он пришел как

³ Ibid. 101.

Мессия, и с Ним пришло Царство. Но не пропустите другого очевидного урока в этом тексте. Иисус не претендует на то, что Он совершил это чудо Своей собственной божественной силой и властью как Бог. Напротив, силу, использованную Им при чудесном изгнании беса и исцелении, Он приписывает действию Духа в Нем и через Него. В самом деле, совершил эти дела не кто иной, как помазанный Духом Мессия.

Еще один, последний, текст подтверждает то, что мы увидели, и дает еще больше оснований считать, что Иисус проводил Свою жизнь и служение как человек в силе Духа Святого. Петр в своей проповеди Корнилию и собравшимся у него язычникам, которая записана в 10 главе Деяний, уделяет время тому, чтобы кратко описать всю жизнь Иисуса, все Его нравственные поступки и Его сверхъестественную силу следующими поразительными и поучительными словами: «Вы знаете... как Бог Духом Святым и силою помазал Иисуса из Назарета, и Он ходил, благодворя и исцеляя всех, обладаемых диаволом, потому что Бог был с Ним» (Деян. 10:37–38). Да, Петр явно понимает, что Иисус – в полной мере Бог. В конце концов, Петр поклонялся Иисусу (Матф. 14:33); Петр получил откровение от Отца, что Иисус – это Христос, Сын Бога живого (Матф. 16:16); и Петр был вместе с Фомой и другими учениками, когда Иисус появился в комнате и Фома сказал в ответ Иисусу: «Господь мой и Бог мой!» (Иоан. 20:26–29). Петр знает, что Иисус – Бог, и от этого его заявление в Деяниях 10:38 звучит еще удивительнее. Петр вспоминает повседневную жизнь Иисуса, как Он делал добро, как учил истине, как изгонял бесов и творил чудеса, и когда Петр оценивает, как же Иисус все это делал, он говорит, что «Бог Духом Святым и силою помазал» Его, и что «Он ходил, благодворя и исцеляя всех, обладаемых диаволом, потому что Бог был с Ним» (Деян. 10:38). Ясно, что Петр понимал и объяснял жизнь и служение Иисуса по следующей схеме: Иисус был Христом, человеком, рожденным в роде Давида, Которого Дух помазал и дал Ему силу, чтобы Он прожил Свою жизнь и выполнил Свою миссию. Был ли Иисус также полностью Богом? Разумеется, был. Но именно «человек Христос Иисус», исполненный Духом, виден в том, как Он живет в послушании, использует сверхъестественную силу и выполняет ту миссию, с которой Отец послал Его.

И кроме того, заметьте еще одно. Можете ли вы представить, что выражения в Деяниях 10:38 («Вы знаете... как Бог Духом Святым и силою помазал Иисуса из Назарета») и Деяниях 1:8 («но вы примете силу, когда сойдет на вас Дух Святой») похожи чисто случайно? Я в этом крайне сомневаюсь. Как кажется, мысль Луки, скорее, была такой: та самая сила, которой Иисус прожил Свою жизнь и выполнил Свою миссию, теперь наша, поскольку Святой Дух, бывший на Нем, дан и нам, Его последователям. Какая невообразимая реальность Нового Завета дана нам во Христе живущим в нас Духом! Долгожданное внутреннее пребывание Духа дано нам только потому, что сначала этот Дух пребывал в Иисусе, наполняя Его жизнь силой и послушанием, и только затем Дух был дарован последователям Иисуса, чтобы и мы могли жить жизнью, отмеченной той же самой дарованной Духом сверхъестественной силой для послушания и верности. Важно видеть, что Иисус жил как человек, наделенный силой Духа Святого, ведь и мы призваны идти «по следам Его» (1 Пет. 2:21) – к этому мы еще вернемся в конце.

III. ИИСУС, НЕПОГРЕШИМЫЙ, ИСКУШАЕМЫЙ И БЕЗГРЕШНЫЙ МЕССИЯ*

Вторая линия рассуждений в поддержку того, как важно понимать, что Свою жизнь и служение Иисус проводил в основном как человек, будет следующая: у Него были настоящие, подлинные искушения. Мы сразу понимаем, что человеческая природа Иисуса должна быть связана с Его искушениями так, как не может Его божественность, потому что Иаков говорит нам: «Бог недоступен искушению злом» (Иак. 1:13. Перевод Кассиана. – *Примеч.*

* Здесь и далее используется следующий перевод английских терминов: «непогрешимость» (англ. *impeccability*) – неспособность грешить; безгрешность (англ. *sinlessness*) – фактическое отсутствие грехов. – *Примеч. ред.*

ред.). Но у Иисуса были искушения. Действительно, Послание к евреям говорит нам, что Он был «подобно нам, искушен во всем, кроме греха» (Евр. 4:15). Но это еще не все: Иисус был также в полной мере Богом, и в связи с этим, как кажется большинству богословов⁴ (и мне тоже), Он был непогрешимым⁵, то есть, Он не мог согрешить. Итак, как можно объяснить тот факт, что у Иисуса были настоящие искушения, и при этом считать, что Тот, Кто подвергался искушениям, а именно, Богочеловек, в полной мере Бог, и в полной мере человек, Сам был по-настоящему непогрешимым и поэтому не мог согрешить? И как наше понимание божественности Христа и человечности Христа соотносится с тем, как мы объясняем Его непогрешимость, искушения и безгрешность?

1. *Обзор евангельских толкований.* Пожалуй, было бы полезно знать, как другие решали этот вопрос раньше. Луи Беркхоф кратко затрагивает эту проблему, указывает на суть вопроса, но затем лишь упоминает несколько весьма любопытных и нечетких ответов. Обсудив некоторые библейские тексты, ясно утверждающие, что на протяжении служения Христа у Него были настоящие и регулярные искушения, Беркхоф продолжает: «Мы не должны умалять тяжесть искушений Христа, последнего Адама, как бы ни было трудно представить искушение Того, Кто не мог согрешить»⁶. Затем он перечисляет несколько предлагаемых решений, сам не высказывается в поддержку какого-либо из них, и заключает: «Однако, несмотря на все это, проблема остается нерешенной: возможно ли, чтобы кто-либо *in concreto*, то есть реальный человек, не мог согрешить и даже не имел склонности ко греху, но тем не менее подвергался настоящим искушениям?»⁷ И на этом все.

Обсуждение этого вопроса у Германа Бавинка более полезно. Он подтверждает, что Писание говорит как о реальных искушениях Христа, так и о Его реальной безгрешности. По поводу последнего Бавинк утверждает, что Писание «направляет нас к тому, чтобы признать за Христом не только эмпирическую безгрешность, но и безгрешность по необходимости»⁸. Другими словами, дело не просто в том, что так исторически сложилось, что Христос не согрешил; но более существенно, что для Него согрешить было логически невозможно. Таким образом, у Христа были подлинные искушения, и в то же время Он был подлинно непогрешим. На что же опирается вера христиан в непогрешимость Христа? Бавинк понимает, какие возможны два равно проблематичных вывода, если отрицать непогрешимость и говорить вместе с Арием, Пелагием и некоторыми средневековыми номиналистами, что Христос, в принципе, мог бы согрешить. Либо окажется, что «Сам Бог был бы способен согрешить – а это богохульство, – либо что союз божественной и человеческой природы не считается неразрывным и, по сути, отрицается»⁹. Но как тогда мы можем понимать искушения Христа? Бавинк предлагает проводить различие между святостью Христа, присущей Его божественной природе, и нравственной святостью Его человеческой природы. Если кратко, благодаря святости, присущей Его божественной природе, Христос становится под-

⁴ Остерхэвэн (Osterhaven M. Безгрешность Христа // Теологический энциклопедический словарь. Под ред. У. Элвелла. М.: Духовное возрождение, 2003. С. 112) явно преувеличивает историческое признание доктрины о непогрешимости Христа, когда пишет: «Учение о том, что Иисус Христос безгрешен (непогрешим), разделяла вся христианская Церковь». Тем не менее, он верно отмечает, что даже сторонники самых отъявленных христологических ересей в ранней церкви обычно не отрицали безгрешности Христа, даже если они были меньше уверены в Его непогрешимости.

⁵ Согласно традиционному определению, «непогрешимость» Христа утверждает не просто, что Он *не грешил* (что истинно), но и более того, что Он *не мог согрешить*. Будучи непогрешимым, Христос был не только *posse non peccare* (способен не грешить), но и, что более важно, Он был *non posse peccare* (неспособен грешить).

⁶ Беркхоф Л. Систематическое богословие. Мн.: Полиграфкомбинат им. Я. Коласа, 2014. С. 381.

⁷ Там же. С. 381–382.

⁸ Herman Bavinck, *Reformed Dogmatics, Volume Three: Sin and Salvation in Christ* (ed. John Bolt; trans. John Vriend; Grand Rapids: Baker, 2006) 314.

⁹ Ibid. В подтверждение этого утверждения Бавинк цитирует «Энхиридион» Августина (36, 40–41) и «Сентенции» Петра Ломбардского (III, dist. 12).

линно непогрешимым, в то время как благодаря нравственной святости Его человеческой природы Христос оказывается способен к искушениям, борьбе, послушанию и росту. Он делает заключение, что в искушениях Христос «непременно должен был остаться верным, хотя Ему приходилось бороться; неспособность согрешить (*non posse peccare*) не была чем-то вынужденным, но имела нравственный характер и поэтому должна была проявляться нравственным образом».

Вильям Шэдд рассматривает этот вопрос довольно подробно, в его «Догматическом богословии» целая глава посвящена «Непогрешимости Христа»¹⁰. Шэдд объясняет непогрешимость Христа, утверждая превосходство воли Его божественной природы над волей Его человеческой природы. Явно поддерживая дуафелитство 6-го Вселенского (III Константинопольского) собора 680 года, он пишет: «Непогрешимая воля – это воля столь сильная в своем волеизъявлении к добру, что она не может быть покорена никаким искушением к злу, сколь бы велико оно ни было»¹¹. Следовательно, божественная природа Христа непогрешима, поскольку воля этой божественной природы не может подвергаться искушению к злу, а тем более делать зло. У человеческой природы и воли Христа, тем не менее, нет такой непогрешимости. Но даже хотя человеческая воля Христа и могла бы согрешить, Его божественная воля так укрепляла человеческую волю, что Его человеческая воля, божественно подкрепленная, не могла согрешить. Сама по себе человеческая природа могла бы согрешить, но она была соединена с божественной природой, так что Христос не мог согрешить. Шэдд приводит полезное сравнение:

Следовательно, то, что могла бы совершить человеческая природа, если бы она была *отдельной* и самостоятельной, она не может совершить в *единстве* со всемогущей святостью. Саму по себе железную проволоку можно согнуть и сломать рукой человека; но если эта проволока приварена к железному бруску, ее уже невозможно так согнуть и сломать. <...> Обычный человек может поддаться искушению, а Богочеловек не может. <...> Следовательно, хотя у Христа была человеческая *природа*, лишенная непогрешимости, Сам Он был непогрешимой *личностью*. Непогрешимость свойственна Богочеловеку в совокупности, тогда как Его человеческая природа ее лишена¹².

Кроме того, Шэдд придерживается мнения, что главная причина, почему человеческая природа Христа, соединившись с божественной природой, не могла грешить (хотя сама по себе и могла бы), заключается в том, что Его божественная природа настолько святая, что она не терпит греха. Но если бы человеческая природа была способна согрешить, соединившись с божественной природой, это бы неизбежно ставило под вопрос святость самой божественной природы, что невообразимо и невозможно. В таком случае «вина не была бы ограничена рамками человеческой природы», но и божественная природа была бы запятнана¹³. Поскольку этого не может произойти с неизменно святой божественной природой, и поскольку соединение человеческой и божественной природы уже произошло, то человеческая природа становится непогрешимой благодаря этому союзу с непогрешимой и превосходящей по силе божественной природой.

Но как тогда непогрешимый Христос мог по-настоящему подвергаться искушениям? Шэдд разграничивает *конституциональную восприимчивость* человеческой природы Христа, подверженную слабостям и ограничениям, открытую как для физических, так и для духовных искушений, и *человеческую волю* Христа, уже соединенную с божественной природой и волей и потому неспособную уступить никакому искушению, с каким бы Он ни столкнулся. Таким образом, в то время как Иисус остро ощущал и переживал искушения,

¹⁰ William G. T. Shedd, *Dogmatic Theology* (2d ed.; Nashville: Thomas Nelson, repr. 1980), Vol. II. Chap. V, 330–49.

¹¹ Ibid. 330.

¹² Ibid. 333 (курсив как в оригинале).

¹³ Ibid. 334.

поскольку по Своим человеческим качествам Он был полностью восприимчивым к искушениям, Он оставался неспособным грешить благодаря сверхъестественной силе Его божественной воли, не позволявшей человеческой воле согрешить. Шэдд поясняет: «Эти искушения были очень сильны, но если волеизъявление Его святой воли было сильнее, то они не могли склонить Его к греху, так что Он оставался непогрешимым. И при этом Он явно был подвержен искушениям»¹⁴.

Томас Моррис и Джеральд О'Коллинз предложили похожие варианты решения вопроса о том, как можно объяснить непогрешимость Христа и подлинность Его искушений. Согласно этому варианту, Христос мог быть одновременно непогрешимым и подверженным подлинным искушениям, поскольку не знал, что Он непогрешим. Моррис так объясняет эту идею:

Как мы уже сказали, представляется концептуально важным, что для искушения, в каком-то смысле, нужна возможность согрешить. Обдумав эту идею, мы увидим, что такую концептуальную связь с искушением имеет *мысленная* возможность согрешить, а не более широкая логическая, или метафизическая, или даже физическая возможность. <...> Иисус мог испытывать искушение к греху даже просто в том случае, если у Него была мысленная возможность, что Он согрешит¹⁵.

Сходным образом, О'Коллинз утверждает, что «Иисус мог по-настоящему подвергаться искушениям и испытаниям при условии, что Он не знал, что не может согрешить». Если бы Христос был непогрешимым и знал об этом, то библейские описания Его борений и мучений в искушениях были бы просто «представлением, разыгранным для назидания других»¹⁶.

Как пример противоположной точки зрения можно рассмотреть предположение, выдвинутое Миллардом Эриксоном. Согласно Эриксону, Писание ясно учит, что Христос *не согрешил* и что Бог *не может согрешить*. Но, как он утверждает, из этого логически не следует, что Христос не мог бы согрешить. По-видимому, Евреям 4:15 указывает на то, что хотя Христос ни разу не согрешил, Он должен был быть способен согрешить, рассуждает Эриксон. Согласно этому тексту, Христос, «подобно нам, искушен во всем, кроме греха». Но если Он был искушен во всем, разве это не должно подразумевать, что Он мог бы поддаться искушению? Эриксон пишет: «Главная идея этого отрывка в том, что Он может ходатайствовать за нас, потому что Он стал полностью таким же, как мы; по-видимому, это подразумевает, что Его искушение включало не только большой диапазон грехов, но и реальную возможность согрешить»¹⁷. Эриксон рассматривает взгляд Морриса, который мы обсуждали выше, и отвергает его как несостоятельный. Я бы с этим согласился.

Но, чисто гипотетически, что произошло бы в том случае, если бы Христос согрешил? Поскольку Бог не может грешить, божественность Христа не могла бы участвовать в грехе, который в этом гипотетическом сценарии совершил бы Христос. А вот как именно она бы не участвовала, ведь божественная и человеческая природы при воплощении соединились в одной Личности Иисуса Христа? Эриксон предполагает, что «на самой грани решения согрешить, когда это решение еще не было бы принято, но Отец бы уже знал, то это вот-вот произойдет, вторая Личность Троицы покинула бы человеческую природу Иисуса, тем са-

¹⁴ Ibid. 336.

¹⁵ Thomas Morris, *The Logic of God Incarnate* (1986; Eugene, OR: Wipf & Stock, 2001) 147–48.

¹⁶ Gerald O'Collins, *Christology* (Oxford: Oxford University Press, 1995) 271. Как кажется, Клаус Исслер (Klaus Issler, "Jesus' Example: Prototype of the Dependent, Spirit-Filled Life," in Klaus Issler and Fred Sanders, eds., *Jesus in Trinitarian Perspective: An Introductory Christology* [Nashville: B & H, 2007] 215–16) также поддерживает предположение Морриса и О'Коллинза, поскольку обсуждая вопрос о непогрешимости и искушениях Христа он одобрительно цитирует работы этих двух авторов.

¹⁷ Millard J. Erickson, *The Word Became Flesh: A Contemporary Incarnational Christology* (Grand Rapids: Baker, 1991) 562.

мым разорвав воплощение»¹⁸. Таким образом, Эриксон, видимо, считает гипотетически возможным один вариант решения той дилеммы, которой Бавинк хотел избежать. Действительно, единство божественной и человеческой природ, в таком случае, было бы возможно разорвать ради защиты божественной природы от участия в грехе. Также интересно наблюдение, что Эриксон и Шэдд, как кажется, согласны в том, что имея в Своей личности *единство* божественной и человеческой природ, Христос не мог согрешить. Оба они занимают позицию, что если бы Христос согрешил как Личность, в единстве человеческой и божественной природы, то этот греховный поступок неизбежно затронул бы божественную природу в Иисусе. При этом Шэдд делает вывод, что божественная природа пересиливает человеческую природу, без этого влияния подверженную греху, так что Личность Богочеловека Христа становится непогрешимой, а Эриксон утверждает, что если бы Христос решил совершить греховный поступок, то в этой гипотетической ситуации божественная природа должна была бы сначала отделиться от человеческой природы Христа, так что сделанный грех был бы совершен только человеческой природой без участия святой и безгрешной божественной природы.

2. *Альтернативное предположение.* Уже какое-то время я обдумываю еще один вариант, как можно разобраться в этом вопросе, вытекающий из глубокого убеждения, что надо воспринимать Христа, прожившего жизнь в безгрешном послушании, как человека, помазанного и укрепленного Духом Святым для того, чтобы Он жил и исполнял Свое призвание, будучи послушным до конца¹⁹. Суть этого предположения в следующем: Иисус был подлинно непогрешимым благодаря тому, что при воплощении не кто иной, как неизменный и вечно святой Сын, Вторая Личность Троицы, принял на Себя всю полноту человеческой природы. Но при этом, хотя как Личность Он был непогрешим, Его искушения не стали настоящими, а борьба с ними – неискренней. Каким же образом? Иисус противостоял этим искушениям и во всем был послушен Отцу не потому, что прибегал к помощи Своей божественной природы, а благодаря тем ресурсам, что были Ему даны как в полной мере человеку. Если кратко, этот вариант предполагает, что если мы разберемся в различии между тем, почему Христос *не мог согрешить* – а именно, Он был Богом – и тем, почему Он *не согрешил* – а именно, Он был человеком Иисусом, помазанным и укрепленным Духом Святым, – то мы, по сути, найдем такое решение этой богословской проблемы, которое сможет полностью объяснить как подлинность непогрешимости Христа, так и подлинность Его искушений. После этого краткого обзора позвольте мне перейти к более подробному изложению этого предположения.

Во-первых, начнем с утверждения той истины, которая в этой дискуссии, в каком-то смысле, самая ясная и самая важная, а именно, что Христос действительно не согрешил. Писание говорит об этом предельно ясно. Рассмотрим следующие тексты: 2 Коринфянам 5:21: «Ибо не знавшего греха Он сделал для нас жертвою за грех, чтобы мы в Нем сделались праведными пред Богом»; Евреям 4:15: «Который, подобно нам, искушен во всем, кроме греха»; 1 Петра 2:21 и далее: «Ибо вы к тому призваны, потому что и Христос пострадал за нас, оставив нам пример, дабы мы шли по следам Его. Он не сделал никакого греха, и не было лести в устах Его» (здесь цитируется Ис. 53:9); и 1 Иоанна 3:5: «И вы знаете, что Он явился для того, чтобы взять грехи наши, и что в Нем нет греха».

Во-вторых, непогрешимость Христа – обоснованное следствие из учения Писания о том, кто такой воплощенный Христос, причем следствие до такой степени ясное и убедительное,

¹⁸ Ibid. 563. Подобно Эриксону рассуждает и Томас Флинт (Thomas P. Flint, “The Possibilities of Incarnation: Some Radical Molinist Suggestions,” *RS* 37 (2001) 307–20).

¹⁹ Я высоко ценю глубокое исследование Джеральда Хоуторна «Присутствие и сила» (Gerald F. Hawthorne, *The Presence and the Power*). Совсем недавно Джон Мак-Кинли написал серьезную работу по этому вопросу, аргументы которой сходны с тем предположением, что я кратко здесь изложил. См. John E. McKinley, *Tempted for Us: Theological Models and the Practical Relevance of Christ's Impeccability and Temptation* (Carlisle, Cumbria, UK: Paternoster, 2009).

тельное, что было бы неразумно думать, будто Иисус не принимал во внимание этого следствия и не знал о Своей непогрешимости. Здесь я согласен с Шэддом, который утверждает, что если бы Христос мог согрешить, то в этом гипотетическом греховном поступке «вина не была бы ограничена рамками человеческой природы», но и божественная природа была бы запятнана²⁰. Поскольку этого не может произойти с неизменно святой божественной природой, и поскольку соединение человеческой и божественной природы уже произошло, то благодаря этому союзу с непогрешимой божественной природой человеческая природа также стала непогрешимой. Или это можно изложить так: поскольку Святой, родившийся у Марии, был полностью Богом и полностью человеком, то это, по-видимому, подразумевает некоторые ограничения в том, как проявляется и Его божественная, и Его человеческая природа. То есть, это соединение природ потребовало не только ограничений в проявлении некоторых божественных атрибутов, чтобы Он мог жить как настоящий человек – например, как мы уже упоминали, Христос возрастал в мудрости, Его знания имели пределы (см. Лук. 2:40, 52; Марк. 13:32), – но это также повлекло за собой определенные ограничения Его человеческого выбора и действий, чтобы не могло произойти ничего, что угрожало бы чистоте или святости Его божественной природы.

Причем это не значит, что у Христа не могло быть каких-то переживаний, отчетливо и уникально связанных либо с Его божественностью, либо с Его человечностью. Но это значит, что никакое проявление Его божественности и никакое проявление Его человечности не могло нарушать полноты другой природы. Так, к примеру, Иисус может прощать грех как Бог (напр., Марк. 2:5 и далее), и все же это действие не нарушает полноты Его человеческой природы, хотя оно явно выходит за рамки способностей и ограничений этой человеческой природы. Подобным образом, Иисус мог испытывать голод (напр., Лук. 4:2) или жажду (напр., Иоан. 19:28), и все же эти подлинно человеческие переживания не нарушают божественной природы Иисуса, поскольку в божественной природе нет никакого соответствия этим ощущениям физического голода или жажды. Но так невозможно сказать о гипотетической возможности, что Богочеловек Иисус согрешил бы. Даже Эриксон, готовый сказать, что Иисус мог бы согрешить, не хочет говорить, что Иисус мог бы согрешить, *будучи* Богочеловеком, то есть Личностью, соединяющей человеческую и божественную природы. Почему? Эриксон, Шэдд, Бавинк, да и почти все понимали, что если бы Богочеловек Иисус согрешил, то нравственная природа этого действия не могла бы быть отделена от Его божественной природы. В отличие от голода или жажды Иисуса, проявления которых не соответствуют никакому качеству Его божественной природы, так что Он мог испытывать голод и жажду, нисколько не очерняя божественной природы, если бы Богочеловек Иисус согрешил, то этот нравственный (точнее, безнравственный) поступок соответствовал бы определенному качеству божественной природы, а именно, святой нравственной природе Самого Бога. Следовательно, если не предполагать разрыва двух природ, как это делает Эриксон, Богочеловек Иисус, как Бог и человек в неразрывном единстве одной Личности, не мог согрешить²¹.

В-третьих, что наиболее важно для той позиции, что я здесь отстаиваю, непогрешимость Христа, которой Он обладал благодаря союзу Его непогрешимой божественной природы с человеческой природой, не имеет какой-либо прямой связи с тем, как Он противостоял искушениям и как получилось, что Он не согрешил. Да, Христос был непогрешимым, но эта непогрешимость буквально не имеет отношения к объяснению Его безгрешности. Типичная евангельская интуиция говорит примерно так: если Христос *не мог* согрешить по той причине, что Он Бог, то Он и *не согрешил* по той же самой причине, что Он Бог. Мое

²⁰ Shedd, *Dogmatic Theology* 334.

²¹ Хорошую критику предложенной Эриксоном идеи о гипотетическом разрыве единства человеческой и божественной природ в Иисусе, если бы Он согрешил, см.: Garrett J. DeWeese, “One Person, Two Natures: Two Metaphysical Models of the Incarnation,” in Klaus Issler and Fred Sanders, eds., *Jesus in Trinitarian Perspective: An Introductory Christology* (Nashville: B & H, 2007) 128–30.

предположение отрицает эту симметрию и утверждает, что на вопросы, почему Христос *не мог согрешить* и почему Он *не согрешил*, нужно давать разные ответы.

Чтобы лучше уловить упомянутое здесь различие между тем, почему что-то *не могло* произойти и почему это *не произошло*, рассмотрим следующий пример: представьте себе, что один пловец хочет попытаться побить мировой рекорд на длину непрерывного плавания (это, как я читал, чуть больше 110 км). В свои тренировки, помимо ежедневных заплывов на 10–15 км, этот пловец включает еженедельный заплыв на еще более длинную дистанцию. Во время долгих заплывов на 50–60 км он замечает, что его мышцы может начать сводить, а иногда бывают небольшие судороги, так что он начинает волноваться, что при попытке побить мировой рекорд его мышцы может серьезно свести судорогой и тогда он может утонуть. Поэтому он советуется с друзьями, и они решают снарядить лодку, чтобы она сопровождала его в 5–10 метрах позади, достаточно близко, чтобы подобрать его, если возникнет какая-то серьезная проблема, но достаточно далеко, чтобы ничем не помешать самой попытке исторического заплыва. В назначенный день, когда условия были самыми подходящими, пловец ныряет в воду и начинает свою попытку побить мировой рекорд. Все время, пока он плавает, лодка спокойно следует позади, готовая подобрать пловца, если понадобится. Но никакой помощи не потребовалось; с упорством и решимостью пловец неутомимо плавает, и плавает, и плавает, и вот наступает момент, когда ему удается побить мировой рекорд. А теперь рассмотрим два вопроса: (1) почему во время этой попытки побить рекорд пловец *не мог утонуть*? Ответ: лодка все время была там, готовая спасти его, если понадобится. Но (2) почему пловец *не утонул*? Ответ: он продолжал плыть! Заметьте, что ответ на второй вопрос никак не связан с лодкой, то есть он не связан с ответом на первый вопрос. Действительно, если бы в ответ на второй вопрос вы сказали «из-за лодки», то пловец бы удивился и огорчился. Это просто неправда, что пловец не утонул из-за того, что там была лодка. Лодка буквально не имеет отношения к тому, почему пловец не утонул. Более того, хотя пловец прекрасно знал, что он не может утонуть, поскольку лодка следует позади него, это знание никак не связано с тем, почему он не утонул, ведь он также знал, что если только он понадеется на лодку, его миссия побить мировой рекорд провалится. Поэтому хотя он и знал, что не может утонуть благодаря лодке, он также знал, что может достичь цели только если будет плыть так, как будто никакой лодки там нет.

Если снова рассматривать вопрос об искушениях Иисуса, то кажется, что можно справедливо считать, что Богочеловек Иисус *не мог согрешить*, потому что Он Бог. Но это не обязательно дает ответ на вопрос, почему Он *не согрешил*. И в самом деле, Писание подсказывает нам такой ответ: Иисус не грешил, но не благодаря тому, что Он полагался на сверхъестественную силу Своей божественной природы или что Его божественная природа была сильнее человеческой природы, тем самым удерживая Его от греха, а скорее благодаря тому, что Он использовал все средства, данные Ему как человеку. Он любил Божье Слово и размышлял о нем (подумайте здесь о значении 1-го псалма, что он стоит первым как вступление к псалмам, очевидно указывая на Христа), Он молился Своему Отцу, Он уповал на мудрость и правильность воли и слов Отца, и, что важнее всего, Он полагался на сверхъестественную силу Духа, пребывавшего на Нем, чтобы наделять Его силой для всего, что Он был призван сделать. Иисус жил, полагаясь на Духа, так что Он боролся с искушениями и был послушен воле Отца именно той силой, которой Он был наделен как второй Адам, семя Авраама, сын Давидов. Вспомните еще раз слова Петра, что Бог помазал Иисуса «Духом Святым и силою», и что Он ходил, благовествуя (нравственная жизнь и послушание Иисуса), а также исцеляя всех, обладаемых дьяволом (чудеса, которые Он творил), «потому что Бог был с Ним» (Деян. 10:38). Хотя Он был Богом, и хотя как Богочеловек Он был непогрешимым, тем не менее, Он боролся с искушениями и слушался Отца не силой Своей божественной природы, но силой жившего в Нем Духа. Далее, мог ли Христос знать, что как Богочеловек и Спаситель Он был подлинно непогрешимым, и, зная об этом, все же испытывать подлинные искушения? Ясно, что ответ – да, ведь Он также знал, что Его миссия заключалась в том, чтобы быть послушным там, где Адам не был, и жить как совершенно по-

слушный человек силой Святого Духа. Он знал, что «понадеяться на лодку», то есть на Свою божественную природу, означало бы провалить миссию, с которой Он был послан. Следовательно, Он должен был бороться с искушениями как человек, полагаясь на Своего Отца и на силу Святого Духа, что Он и сделал, поразительно, в совершенстве, ни разу не уступив никакому искушению.

IV. АКТУАЛЬНОСТЬ ДЛЯ НЕКОТОРЫХ СМЕЖНЫХ ВОПРОСОВ

В заключение позвольте мне более широко применить эту модель, чтобы рассмотреть несколько связанных с ней вопросов. Первый: что означает Евреям 5:8–9? Там сказано: «...[Он] хотя и Сын, страданиями научился послушанию, и, усовершенный, стал для всех послушных Ему виновником спасения вечного» (перевод Кассиана. – *Примеч. ред.*). Этот текст в Послании к евреям явно не может значить, что Иисус, в конце концов, научился слушаться Отца, а до этого Он много раз Его не слушался. Он не может значить, что Иисус, наконец, стал совершенным, а раньше Он был довольно несовершенным. Мы знаем, что он не может этого значить, потому что всего на несколько стихов выше мы читаем, что Христос был «подобно нам, искушен во всем, кроме греха» (Евр. 4:15). Поэтому Евреям 5:8–9, скорее, означает следующее: через страдания, перенесенные Христом, через испытания, искушения и беды Он учился быть послушным все более и более трудным требованиям Отца, пока, наконец, Он не был подготовлен – достиг зрелости, если хотите, укрепился в вере и характере, – чтобы пойти на крест. И мы знаем, что даже тогда, судя по Его борению в Гефсиманском саду, послушание Отцу было невыносимо трудным, оно вовсе не было автоматическим. Мог бы Иисус успешно пойти на крест на три, пять или пятнадцать лет раньше? Как кажется, ответ напрашивается сам собой: не мог. Он учился быть послушным все более и более тяжелым требованиям, и показал, что Он может быть «послушным даже до смерти, и смерти крестной» (Флп. 2:8). Его борьба с искушениями и послушание Отцу не были автоматическими, потому что они не вытекали из Его безгрешной божественной природы. Но Он учился послушанию как человек, и как человек Он сражался с искушениями и стремился быть послушным во все более и более тяжелых жизненных ситуациях. При этом Он всегда был послушен, и такое постоянное послушание подготовило Его и укрепило для самой трудной задачи – смерти на кресте, чтобы Он мог стать источником нашего вечного спасения.

Второй, и последний, вопрос: какое отношение это имеет к тому, как мы живем? Взгляните снова на ошеломляющую заповедь в 1 Петра 2:21–22: Христос оставил нам пример, чтобы «мы шли по следам Его. Он не сделал никакого греха...». Если бы Христос боролся с искушениями и был послушен Отцу благодаря Своей божественной природе, как бы Он мог быть примером для нас? Если бы Христос жил и исполнял Свою миссию силой Своей божественности, как бы нам могло быть справедливо заповедано идти по Его следам? Но если Христос жил образцовой новозаветной жизнью в молитве, и в Слове, и в силе Духа Святого, и если затем Он дал те же самые средства нам, Его последователям, тогда нас по праву можно призывать жить подобно Ему. Действительно, это ожидание настолько справедливо и реально, что Петр осмелился сказать, как мы прочли, чтобы мы «шли по следам Его. Он не сделал никакого греха». Христос – единственный Спаситель благодаря Своему совершенному и безгрешному послушанию, и Он был безгрешно послушен, потому что жил, полагаясь на Отца, силой Духа Святого. В Своих искушениях, при каждом Своем послушании, Он обращался за силой, защитой и помощью не к Своей божественной природе. Но Он, как объясняет нам Петр, был *исполнен Духом Святым и силой*, и поэтому Он ходил, благотворя и исцеляя всех, обладаемых дьяволом, потому что Бог *был с Ним*. Действительно, хотя Он был в полной мере Богом, Он жил как «человек Христос Иисус», и поэтому Он показал пример новозаветной жизни, которому мы, по Божьей благодати и действию Духа, должны стремиться подражать. Быть подобным Христу – значит быть таким человеком, каким был Он. Да даст нам Господь понимание и благодать, чтобы мы правильно видели

Иисуса и слушались Его, как Он слушался Отца, силой Духа, во славу единого истинного и живого Бога.

Источник: *The Journal of the Evangelical Theological Society* 53.1 (Март 2010): 5-18.